

## ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ РАБОЧЕЕ ВОССТАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Значимость Ижевско-Воткинского восстания 1918 г. очевидна: оно произошло на заводах, выпускавших до трети стрелкового оружия России и осуществлявших практически все производство стволов для винтовок, револьверов, пулеметов «максим», т.е. на ведущих предприятиях оборонной промышленности<sup>1</sup>. Восстание ижевско-воткинских рабочих не только меняло стратегическую расстановку воюющих сил на Восточном фронте<sup>2</sup>, но также грозило лишить Советское государство необходимого для ведения войны стрелкового оружия. Кроме того, возникал прецедент разрыва советской власти с тем социальным слоем, от имени которого она управляла.

Вопрос о причинах и характере этого восстания имеет почти столетнюю историографическую традицию. Однако, как отметил А.С. Верещагин, в литературе советского периода «нигде не было такого вопиющего несоответствия официальных установок и конкретного исторического материала». Вектор оценок советских историков Ижевско-Воткинского восстания задали высказывания В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о «белогвардейском» характере выступления и принудительном участии в нем части рабочих<sup>3</sup>. Обращая внимание на то, что историки 1920-х гг. (в меньшей степени – начала 1930-х гг.), бывшие зачастую очевидцами событий 1918 г., указывали на социальную неоднородность состава ижевско-воткинских рабочих, их политическую неустойчивость, обусловленную связью с землей, и, как следствие, на раскол заводского населения по идейному признаку (либо в поддержку Учредительного собрания, либо – за советскую власть), Верещагин видит в этом «шаг от вульгарной социологизации проблемы к ее мистификации»<sup>4</sup>. Однако следует признать позитивность отхода от узкодогматического взгляда партийных лидеров даже в рамках теории «мелкобуржуазного характера» рабочих выступлений. Действительно, уже сам факт признания социальной неоднородности рабочего класса (отнесение одной части рабочих, занятых на Ижевском и Воткинском заводах, к группе «полукрестьян-пролурбочих», другой – к «рабочей аристократии») позволял усомниться в обоснованности вывода о завершении формирования буржуазного общества в России. Верещагин не соглашается с эмигрантским историком А.Я. Гутманом-Ганом, считавшим, что мобилизация заводского населения в Красную армию стала только «сигналом к началу восстания». По его мнению, «мобилизация была больше чем сигнал», однако никаких доказательств этого он не приводит<sup>5</sup>. Сделав сомнительный вывод, будто в 1960–1990-х гг. историки не внесли ничего нового в изучение Ижевско-Воткинского восстания<sup>6</sup>, исследователь заявил об отсутствии данных, позволяющих выявить причины социального взрыва<sup>7</sup>.

В начале XXI в. попытку выйти на качественно новый уровень понимания Ижевско-Воткинского восстания предпринял Д.О. Чураков<sup>8</sup>, изучавший силы, получившие в историографии название «демократической контрреволюции». Рабочее антибольшевистское выступление рассматривается им в качестве попытки найти особый «третий путь» в революции и Гражданской войне, лишенный крайностей как большевистской, так и правой военной диктатуры<sup>9</sup>. В работах Чуракова отличающихся широкой источниковой базой, достаточно полно изложены причины Ижевско-Воткинского восстания. В качестве главной из них автор признает слабость местной советской власти в Ижевске, дошедшей до «полного паралича»<sup>10</sup>. Исследователь аргументировано считает, что к этому привели размежевание социалистических партий на два противоборствующих блока и вражда между ними, раскол внутри правящей леворадикальной коалиции боль-

\* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект «Урал» № 11-11-6601а/У.

шевиков и эсеров-максималистов – в апреле 1918 г. они даже вели открытые военные действия друг против друга, резкое снижение численности партийной организации большевиков (с 1700 до 250 человек)<sup>11</sup>, уход на фронт 4 августа до тысячи коммунистов и эсеров-максималистов, т.е. практически всех «способных носить оружие коммунистов и революционных рабочих»<sup>12</sup>. О непрочности большевистской власти в Ижевске свидетельствовало и то, что большевики дважды (в конце мая и в конце июня 1918 г.) терпели поражение на перевыборах в ижевский совет. Насильственный разгон совета в июне 1918 г. и арест около 100 депутатов нового совета явно не прибавили симпатий населения к партии большевиков<sup>13</sup>. В условиях приближения к Прикамскому району белых войск осуществление в промышленных центрах Вятской губ. массовых контрибуций и арестов предпринимателей, чиновников и представителей духовенства, запрещение свободной торговли послужили основой для стремительного падения большевистской власти в регионе<sup>14</sup>.

Однако, изложив причины падения советской власти в Прикамье, Чураков не поясняет, почему ижевско-воткинские рабочие столь активно участвовали в масштабном антисоветском восстании, вновь выдвигая на первый план мобилизацию рабочих в Красную армию в начале августа 1918 г. При этом он обращает внимание на то, что из 4 тыс. членов ижевского Союза фронтовиков, объединявшего вернувшихся из армии рабочих, в «антисоветском заговоре» под влиянием эсеровской пропаганды приняли участие лишь 300–400 человек, из которых около сотни составляли офицеры, тогда как основная масса осталась абсолютно равнодушной. Более того, оппозиционность рядовых членов Союза определялась не сознательным выбором той или иной стороны, «а, наоборот, глубинной аполитичностью большинства из них». «Наличие организованной силы (т.е. Союза фронтовиков. – *М.Ф.*), осознанно стремившейся к силовому упразднению большевистского режима, в конце концов, и решило исход дела», – утверждает историк<sup>15</sup>. Но, если стихийность и неоднолинейность протеста против мобилизации позволяет усомниться в том, что она была причиной восстания даже для членов Союза фронтовиков, то тем более трудно связывать с ней участие в восстании многих тысяч рабочих Прикамья. Видя основную причину восстания в мобилизации и эсеровской пропаганде, отмечая аполитичность рабочих масс, и то, что организатором выступления стала группа офицеров, автор фактически возвращается к представлениям советской историографии, избобилующей, по его верному замечанию, «идеологическими штампами и ярлыками, искажающими действительность»<sup>16</sup>.

Историк не анализирует, без сомнения, известное ему «Воззвание» Ижевского совета рабочих депутатов 20 апреля 1918 г., в котором говорилось о широкомасштабной практике самовольных арестов, грабежей и расстрелов в Ижевске. Красная гвардия действовала как «преступная армия мародеров, грабителей и убийц»<sup>17</sup>. Происхождение документа, появившегося в связи с обращением представителей местных рабочих, избранных в Совет, в большинстве своем – беспартийных, формальное осуждение красногвардейцев со стороны большевиков, временное разоружение их отрядов в Ижевске, Воткинске и Сарапуле – не оставляют сомнений в справедливости обвинений в адрес большевистско-максималистской коалиции<sup>18</sup>. Против кого же действовали красногвардейцы, чекисты, советские работники? Бегло, как о второстепенном обстоятельстве, характерном только для Воткинска, Чураков упоминает о вопиющем произволе большевиков и эсеров-максималистов в отношении местных рабочих казенных заводов: о запрете пользоваться покосами, ловить рыбу в пруду. Леворадикалы «замахнулись и на право владения землей»; беглецы за сдаваемые комнаты в своих жилищах рабочие были обязаны перечислять в коммунальное правление<sup>19</sup>. Если же к этому добавить запрет на частную торговлю, разрушение традиционного волостного управления, доминирование в советах «пришлых»<sup>20</sup>, становится понятно, почему в глазах населения заводских поселков новая власть воспринималась как чужеродное и враждебное явление.

Для понимания значимости вышеназванных репрессивных акций необходимо выяснить: что же представляли собой рабочие казенных заводов Урала? Как установлено в исследовании Н.Г. Павловского, в XVIII – первой половине XIX в. они получили

особый правовой статус, позволяющий говорить о них как о самостоятельной сословной группе. Им были присущи все признаки сословности: наследственность, строго очерченный перечень прав и обязанностей, относительная замкнутость<sup>21</sup>. Впоследствии по своему статусу они не только не сближались, но все сильнее расходились с рабочими частновладельческих предприятий Урала, что проявилось, в частности, в период осуществления в горнозаводских поселениях столыпинской аграрной реформы<sup>22</sup>. Из всех уральских рабочих, имевших земельные наделы, отмечает Н.Н. Алеврас, к 1914 г. процесс землеустройства в основном завершился только в казенных и посессионных округах, где земельные наделы получили 95–96% местных (постоянно проживающих) жителей, а «владенные грамоты» – соответственно 85% и 30–40%. В частновладельческих округах к 1917 г. было отграничено 60% земель наделного фонда, а выдача «владенных грамот» только начиналась<sup>23</sup>. Суть указанного процесса не была раскрыта и даже замалчивалась в советской историографии<sup>24</sup>. О размерах земельных наделов рабочих казенных горнозаводских округов можно судить по таким показателям: к 1909 г. в заводских поселках на душу приходилось 8.7 десятин земли, в том числе на Мотовилихинском пушечном заводе – 8 десятин, Кушвинском – 10 десятин, Златоустинском – 6 десятин, Нижне-Туринском – 5.5 десятин<sup>25</sup>. Доля пашни у рабочих Ижевского завода составляла 16% площади земельного надела<sup>26</sup>. Рост земельных наделов рабочих Урала в сочетании с выдачей владенных грамот, т.е. превращение их в собственников, представлял одно из звеньев буржуазных преобразований в России, сокращая зависимость горнозаводского населения от владельцев горнозаводских округов.

Рабочие Ижевска и Воткинска, занятые на казенных заводах, делились на две весьма отличные по имущественным и правовым признакам социальные группы: местные потомственные рабочие и так называемые пришлые. Поскольку право владения земельными и лесными наделами, игравшее важную роль в жизни горнозаводского населения<sup>27</sup>, предоставлялось исключительно местным рабочим, отличия между ними и «пришлыми» были близки к различиям казаков и иногородных на территории казачьих войсковых областей, т.е. представителей сформировавшегося сословия и социальной группы, не получившей правового статуса сословия.

Местные потомственные рабочие, составлявшие к 1914 г. на казенных предприятиях 80–85%<sup>28</sup>, не были однородной массой. Внутри данной сословной группы статистика владения жильем, как четкий индикатор имущественного положения, выявляет две подгруппы: квалифицированные рабочие ( $\frac{1}{3}$  трудящихся Ижевского завода и  $\frac{2}{3}$  состава, занятого в головных цехах) проживали в собственных домах с кирпичным фундаментом, верандой, фруктовым садом, колодцем и баней<sup>29</sup>. Остальные рабочие (порядка 50% работников предприятия) владели небольшими, иногда ветхими, домиками в одно-два окна. Однако судьба даже этих рабочих принципиально отличалась от положения «пришлых» (их было около 20%) – подлинных пролетариев, вынужденных снимать угол или комнату у своих же товарищей по цеху или заводской мастерской, поскольку рабочие казармы в горнозаводских поселках при казенных заводах практически отсутствовали<sup>30</sup>. Любопытно, что перед войной из-за вражды коренных и пришлых рабочих в поселке казенного орудийного Мотовилихинского завода местное волостное правление просило начальника завода принимать на работу только местных жителей. И хотя согласие начальства носило временный характер<sup>31</sup>, этот случай указывает на приоритет сословных ценностей у рабочих одного из крупнейших заводов Урала.

В результате аграрных преобразований на горнозаводском Урале в среде рабочих цензовой промышленности к 1917 г. сформировались три внутрисословные группы. К первой относились юридические собственники земли, составлявшие 20–25% рабочих (более 42 тыс. рабочих казенных округов и 15–20 тыс. рабочих посессионных округов)<sup>32</sup>. Вторую составляли рабочие, владевшие земельными наделами, но так и не ставшие полноправными собственниками (основная масса частновладельческих и примерно 31–36 тыс. посессионных рабочих, всего – 46–51% тружеников цензовой промышленности Урала). Третья группа включала в себя лиц, не владевших земельными наделами, либо имевших участки менее  $\frac{1}{2}$  десятины земли (28–29% всех рабочих, в

основном, занятых в частновладельческих округах, из числа пришлых). Таким образом к 1917 г. сложился достаточно обширный слой рабочих-собственников, у которых крестьянские традиции уважительного отношения к земле соединились с дисциплинированностью и другими навыками индустриальных рабочих.

Низкое плодородие местных земель обуславливало невысокую эффективность пахотных угодий. Поэтому хозяйства рабочих Урала имели огородно-животноводческий характер. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. в Вятской губ. показала наличие коров в каждом третьем дворе коренных ижевских и всяких рабочих<sup>33</sup>. В 1906 г. средний доход от домашнего хозяйства составлял у горнорабочих посессионных округов примерно 60 руб., т.е. 20.7%, при общем бюджете в 290 руб.<sup>34</sup> Размеры земельных наделов и доли пахотных угодий, а соответственно и средний доход от хозяйства у рабочих посессионных и казенных округов были примерно одинаковыми<sup>35</sup>. Спецификой Ижевска следует считать высокую долю наделной пашни (77%), сдаваемой в аренду<sup>36</sup>. В целом, для большинства «местных» уральских рабочих подсобное хозяйство служило заметной прибавкой к главному источнику существования – заводскому заработку.

Большое значение имела и бесплатная медицинская помощь, предоставлявшаяся рабочим казенных заводов. Они могли лечиться в госпиталях и других военно-медицинских заведениях за счет государства до двух месяцев, а при производственной травме или увечье – до выздоровления. При необходимости казна оплачивала лечение в земских и других больницах на основе норм, установленных для нижних чинов. На срок болезни за рабочими сохранялась заработная плата (как правило, в половинном размере)<sup>37</sup>. Рабочие казенных заводов отличались от рабочих частновладельческих предприятий Урала более высоким уровнем образования, профессиональной подготовки и религиозности, а также большей восприимчивостью к городским культурным ценностям и традициям<sup>38</sup>. Не случайно местные потомственные рабочие казенных округов в массе своей отвергали леворадикальные настроения<sup>39</sup>, а представители старших возрастов, как отмечает А.И. Богомолов, нередко поддерживали монархические организации<sup>40</sup>.

Преобладание до начала Первой мировой войны в поселках казенных заводов местного населения определяло доминирование реформистских настроений. Положение заметно изменилось в 1914–1917 гг., когда численность рабочих казенных горнозаводских округов Урала выросла с 51 438 до 108 090 человек<sup>41</sup>. В результате, впервые 60% трудящихся Ижевского (крупнейшего на Урале предприятия, где было сконцентрировано почти 10% рабочих края) и 35% трудящихся Боткинского заводов составило пришлое население<sup>42</sup>. Схожая ситуация сложилась и в других казенных горнозаводских округах. К 1917 г. соотношение «пришлых» пролетариев и местных жителей заметно изменилось не в пользу кадровых, потомственных рабочих до 1914 г., составлявших подавляющее большинство.

Октябрьская революция 1917 г. дала представителям социальных низов уникальный шанс прорыва во власть. Однако многое зависело от конкретной социально-экономической ситуации. Выборы в Учредительное собрание усилили поляризацию в рабочей среде на Урале. Наивысший процент голосов большевики собрали на тех частновладельческих заводах Южного Урала, где и в годы экономического подъема сохранялись кризисные явления, в частности, на Миньярском заводе (90%), где так и не были созданы больничные кассы, а напряженность в отношениях рабочих и администрации в 1916 г. вылилась в полугодовую забастовку<sup>43</sup>. Напротив, в поселках казенных горнозаводских округов уровень влияния левых радикалов был существенно ниже (от 50% на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах до 20% на Воткинском)<sup>44</sup>.

Разгон Учредительного собрания и ставка большевиков на ускорение «социалистических» преобразований определяли позицию местных советов на Урале. После октябрьских событий, отмечает современный ижевский историк С.Л. Бехтерев, советы Ижевска и Воткинска, состоявшие преимущественно из «пришлого элемента», взяли курс на «пролетаризацию» и «раскрестьянивание» населения заводских поселков и сельскохозяйственных округов, на «освобождение его от мелкой частной собствен-

сти»<sup>45</sup>. Фактически это был курс на разрушение хозяйственного и социокультурного уклада жизни тысяч мастеров оружейного дела. Масштаб возмущения местных рабочих Ижевска и Воткинска отражен в документах, составленных очевидцами событий, как большевиками, так и их противниками. 25 мая 1918 г. Ижевский комитет РКП(б) направил в ЦК РКП(б) откровенно паническое письмо, в котором расписывался в неспособности «вести за собой» рабочую массу даже при наличии достаточного количества продовольствия, топлива и сырья<sup>46</sup>. У ижевских большевиков были все основания бояться местных жителей: малоэффективная деятельность местного совета, раздираемого политическими распрями, «компенсировалась» массовыми конфискациями не только драгоценностей, но также обуви и одежды. В результате уже в феврале 1918 г. настроение населения Ижевска изменилось в пользу противников советской власти, что и продемонстрировали выборы в поселковый совет<sup>47</sup>. 27 мая 1918 г. на первом заседании обновленного Ижевского совета рабочих депутатов, обсуждавшего лишь вопрос о признании республики Советов или Учредительного собрания, большинство депутатов отказали в доверии руководителям РСФСР<sup>48</sup>. «Власть, которая на словах обещала мир, хлеб, укрепление свободы, созыв Учредительного собрания в срок и регулирование промышленности, и на деле давшая нам худшую форму войны, голод, попрание свободы, разгон Учредительного собрания и массовую безработицу – должна уйти», – говорилось в постановлении<sup>49</sup>. Декреты советской власти признавались действительными лишь в той мере, в какой они не противоречили интересам местных рабочих<sup>50</sup>.

По мнению Чуракова, позиция ижевского совета отражала стремление правых эсеров захватить власть<sup>51</sup>. Однако антибольшевистская резолюция была принята и на профсоюзной конференции рабочих Воткинского завода, где численность эсеров была невелика<sup>52</sup>. При этом Чураков точно подмечает «встречную неприязнь» между местными кадровыми рабочими основных профессий Воткинска и членами большевистской организации, в основном состоявшей из чернорабочих (как правило, из числа «пришлых») <sup>53</sup>. Как ни странно, многочисленные свидетельства очевидцев о терроре и репрессиях большевиков и максималистов против населения заводских поселков Прикамья, включая рабочих<sup>54</sup>, напрочь отсутствуют в трудах современных историков Ижевско-Воткинского восстания. Это можно было бы считать случайностью, если бы не подробное описание зверств белых в Ижевске и Воткинске<sup>55</sup>. Пожалуй, основная ошибка исследователей заключается в том, что Ижевско-Воткинское восстание рассматривается как единичное событие в истории протестных антибольшевистских акций рабочих Урала, как звено в цепи разрозненных аналогичных событий. При этом затушевывается закономерность выступления рабочих Ижевско-Воткинского района, как представителей весьма обширной сословной группы – работников казенных предприятий Урала, боровшихся за свои права, свободу и имущество<sup>56</sup>.

Насколько масштабным было участие рабочих Ижевска и Воткинска в антибольшевистском выступлении? И.В. Скипина приводит данные историка Белого движения Н.Н. Головина, согласно которым из Ижевска при отступлении в ноябре 1918 г. ушли 16 тыс. рабочих, в том числе 10 тыс. боеспособных мужчин. 7.5 тыс. из них сформировали Ижевскую бригаду, которая сражалась в составе армии Колчака. Аналогичным образом поступили и воткинские рабочие<sup>57</sup>. Ссылаясь на сведения одного из руководителей восстания, А.Г. Ефимова, А.А. Каревский пишет, что в середине ноября 1918 г., покинув Ижевск и Воткинск, вооруженную борьбу с большевиками продолжили 10 тыс. ижевцев и 15 тыс. воткинцев. Однако эти цифры не раскрывают подлинной численности восставших рабочих, так как, во-первых, за три месяца осады Прикамья Красной армией повстанцы понесли большие потери, а во-вторых, уйти за Каму, в условиях непрерывных боев, удалось не всем<sup>58</sup>.

Н. Сапожников утверждает, что в сентябре 1918 г. в Прикамье воевало 50 тыс., а в октябре – 60 тыс. повстанцев (в том числе 30 тыс. ижевцев, 20 тыс. воткинцев и 10 тыс. сарапульцев)<sup>59</sup>. Однако какую часть из них составляли рабочие? 24 августа 1918 г. из 6 300 бойцов Ижевской народной армии 300 человек составляли офицеры, большинство которых были выходцами с заводов, 3 тыс. – члены Союза фронтовиков, как пра-

вило, бывшие рабочие-ижевцы, и около 3 тыс. – рабочие-добровольцы<sup>60</sup>. По мнению П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова, изучивших материалы периодической печати, рабочих-добровольцев в начальный момент восстания было не более 2 тыс. человек<sup>61</sup>. В любом случае, в начальный, добровольческий период примерно 80–90% восставших принадлежали к числу рабочих казенных заводов. Если учесть, что в 1913 г. на Ижевском заводе работало 10,5 тыс.<sup>62</sup>, из которых 80–85% составляли местные жители, то как минимум половина кадровых рабочих довоенного времени добровольно вошли в антибольшевистские формирования. Утверждение, будто «большинство рабочих Ижевска и Воткинска заняло выжидательную позицию»<sup>63</sup>, отражает только настроения «пришлых» в начальной стадии восстания.

Благодаря массовым мобилизациям рабочих Прикамья в повстанческую армию и милиционному характеру значительной части подразделений (в октябре – начале ноября 1918 г. общая численность восставших достигала примерно 30–35 тыс. человек, тогда как постоянно на фронте находилось 8–10 тыс. бойцов) в Ижевско-Воткинской армии сохранялся высокий удельный вес рабочих. Так, в сентябре 1918 г.  $\frac{2}{3}$  из 18 тыс. ижевских повстанцев составляли мобилизованные рабочие<sup>64</sup>. При этом в 20-тысячной Ижевской народной армии социалистов всех видов было всего 100–150 человек, что свидетельствовало о самостоятельности ижевцев и их невосприимчивости к эсеровской пропаганде<sup>65</sup>. Масштабное участие рабочих казенных заводов в Белом движении сочеталось с усиленным производством оружия в цехах завода в три смены по 8 часов<sup>66</sup>. Семьи рабочих Прикамья (десятки тысяч человек) дважды – в ноябре 1918 г. и в мае 1919 г. – уходили в эвакуацию на Восток. Впрочем, мы располагаем лишь отрывочными данными о поддержке Белого движения рабочими Урала. Показательно, что из 19 тыс. рабочих, трудившихся на Ижевском заводе в 1928 г., 4 243 воевали на стороне белых, а 4 тыс. – в Красной армии<sup>67</sup>. В том же году на Мотовилихинском заводе выяснилось, что более 26% рабочих «либо служили у белых, либо были неизвестно где»<sup>68</sup>. Вероятно, за уклончивой формулировкой «неизвестно где» также скрывалось участие в тех или иных антибольшевистских формированиях. Как отмечалось в 1922 г. в сводках ОГПУ, «35% рабочих Воткинского завода имеют плохое прошлое и смотрят на все проводимое с критической стороны»<sup>69</sup>. Даже спустя десятилетие после событий 1918 г. «компетентные органы» констатировали наличие на Урале многих тысяч рабочих, поддерживавших ранее Белое движение.

Суть преобразований в Ижевско-Воткинском районе за три месяца существования «рабочей республики» верно выразил Чураков, писавший про «восстановление дооктябрьских порядков», включая не только органы земского и городского самоуправления, но и все социальные завоевания рабочих, достигнутые в 1917 г. Проблема же «временной реанимации общегражданских демократических институтов» заключалась в осуществлении демократических порядков в условиях «осажденной крепости»<sup>70</sup>.

Причину поражения Ижевско-Воткинского восстания современные исследователи видят прежде всего в противоречиях военного и гражданского руководства, межпартийных расприх, слабости политической и военной подготовки лидеров восстания<sup>71</sup>. Все это, без сомнения, сказалось на судьбе восстания, но едва ли играло первостепенную роль. Решающее значение имело то, что восставшие Ижевско-Воткинского района принадлежали к тому типу рабочих, который, к сожалению, в России 1918 г. представлял заведомое меньшинство в полукрестьянском пролетариате. Второй по значимости причиной было отсутствие помощи со стороны Белой армии. Своеобразной «Парижской Коммуне наоборот» Ижевско-Воткинского района пришлось своими силами вести борьбу с централизованной большевистской диктатурой.

Говоря о последствиях поражения Ижевско-Воткинского восстания, необходимо отметить не только потерю Белым движением ведущих предприятий военной промышленности, но и тот факт, что в антибольшевистском сопротивлении в дальнейшем участвовала только часть рабочих казенных горнозаводских округов. Непонимание реальности (в частности, фактического сохранения сословий в России к 1918 г.) привело к тому, что противники большевиков не сумели в полной мере использовать потенци-

ал ни одной из существовавших социальных групп. Однако там, где Чураков увидел «бессилие третьей силы»<sup>72</sup>, прослеживается поразительная стойкость и мужество в вооруженной борьбе 1918–1920 гг. рабочих-повстанцев с уральских заводов<sup>73</sup>. История Ижевско-Воткинского восстания еще раз напоминает о важной роли рабочих в судьбах России XX в.

## Примечания

<sup>1</sup> Рабочий класс Удмуртии. 1861–1986 гг. Ижевск, 1987. С. 89; *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 7.

<sup>2</sup> См.: Народное сопротивление коммунизму. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919 гг. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 329–330.

<sup>3</sup> *Верецагин А.С.* Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 389.

<sup>4</sup> Там же. С. 390–391.

<sup>5</sup> Там же. С. 393–394.

<sup>6</sup> Там же. С. 391. Впоследствии Верецагин пересмотрел это положение: *Верецагин А.С.* Гражданская война на Урале: ее специфика и особенности интерпретации источников в работах отечественных историков // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 630. Новые подходы к изучению темы и отказ от ряда прежних марксистских клише продемонстрированы в монографиях: *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч.; *Бехтерев С.Л.* Эсэро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997.

<sup>7</sup> *Верецагин А.С.* Парадоксы историографии... С. 394.

<sup>8</sup> *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 30–45; *он же.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 258–350.

<sup>9</sup> *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 30.

<sup>10</sup> *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 270.

<sup>11</sup> *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 32. Согласно письму Ижевского комитета РКП(б) в ЦК РКП(б) 25 мая 1918 г. она насчитывала 400 человек (Народное сопротивление коммунизму в России... С. 286).

<sup>12</sup> *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 266.

<sup>13</sup> *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 33.

<sup>14</sup> *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 270; Народное сопротивление коммунизму в России... С. 283.

<sup>15</sup> *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 269–275.

<sup>16</sup> *Чураков Д.О.* «Третья сила» у власти... С. 30.

<sup>17</sup> Народное сопротивление коммунизму в России... С. 283.

<sup>18</sup> *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 261; *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 59–61.

<sup>19</sup> Революция, государство, рабочий протест... С. 279.

<sup>20</sup> *Лотков С.Н.* Камско-воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. М., 2000. С. 60–63; *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 25, 59.

<sup>21</sup> *Павловский Н.Г.* Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 14–15.

<sup>22</sup> *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

<sup>23</sup> Там же. С. 194–197, 201.

<sup>24</sup> По мнению Ф.П. Быстрых, и к 1917 г. пользование земельными наделами рабочих нельзя принимать за собственность. См.: *Быстрых Ф.П.* О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 97–98.

<sup>25</sup> Подсчитано по: Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 55, оп. 1, д. 561, л. 284, 289–291, 298, 303.

<sup>26</sup> *Садаков М.А.* Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции. Удмуртский институт истории, экономики, литературы и языка. Записки. Вып. 20. История. Экономика. Ижевск, 1968. С. 29.

<sup>27</sup> Там же. С. 149–163.

<sup>28</sup> Материалы профессиональной переписи 1918 г. позволяют уточнить показатель местных рабочих Вятской губ.: 84,2% рабочих родились в Вятской и Пермской губ., причем в подавляющем большинстве – в заводских поселках // *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 131, 135. Этот показатель близок к доле рабочих казенных округов, получивших владенные грамоты на землю – 85%. См.: *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 194–197.

<sup>29</sup> *Садаков М.А.* Указ. соч. С. 29; *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Указ. соч. С. 134.

<sup>30</sup> *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Указ. соч. С. 142, 240; Рабочий класс Удмуртии... С. 19–20.

<sup>31</sup> *Степанов П.* Наделение земель горнозаводского населения Урала // Труды студентов экономического отделения Петербургского политехнического института. СПб., 1914. С. 62.

<sup>32</sup> 85% от 50 тыс. рабочих казенных округов (т.е. 42,5 тыс.) и 30–40% от 51,8 тыс. рабочих посессионных округов, (т.е. 15,5–20,7 тыс.) или 58–63,2 тыс. человек. См.: *Трефилова Л.А.* Экономическое положение и борьба посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. С. 162.

<sup>33</sup> *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 9.

<sup>34</sup> *Трефилова Л.А.* Советские историки о связях горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861–1917 гг. // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX вв. (историография и источниковедение). Свердловск, 1985. С. 79.

<sup>35</sup> Там же. С. 77. «Неудобица» (непригодные для земледелия площади) составляла не более 7% от общего землевладения у рабочих казенных заводов и 3% – у горнозаводского населения посессионных заводов. Подсчитано по: ГА СО, ф. 55, оп. 1, д. 561, л. 284, 289, 290, 291, 298, 303, 405.

<sup>36</sup> *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 9.

<sup>37</sup> *Дмитриев П.Н.* Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004. С. 152.

<sup>38</sup> См.: *Бехтерева Л.Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 170–177; *Фельдман М.А.* Культурный уровень рабочих Урала в 20-е гг. // Там же. 2003. № 5. С. 20–30; *он же.* Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

<sup>39</sup> Этого не скрывала и литература советского периода. См., например: *Дмитриев П.Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 238–241.

<sup>40</sup> См.: *Богомолов А.И.* Уральские рабочие-монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов. СПб., 2007.

<sup>41</sup> См: *Рафиков И.К.* Численность рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С. 38–39.

<sup>42</sup> *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Указ. соч. С. 11.

<sup>43</sup> ГА СО, ф. 24, оп. 14, д. 955, л. 71–72.

<sup>44</sup> Характерно, что и в исследованиях советского времени, правда, в приглушенной форме, успехи большевиков среди местных рабочих признавались весьма скромными: См., например: *Каплюков В.В.* Борьба большевиков Урала с мелкобуржуазными партиями за влияние на массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Свердловск, 1986; Борьба за победу Октябрьской Социалистической Революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 311; *Попов Н.Н., Бугров Д.В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 110.

<sup>45</sup> *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 59.

<sup>46</sup> Народное сопротивление коммунизму в России... С. 286.

<sup>47</sup> *Бехтерев С.Л.* Указ. соч. С. 61.

<sup>48</sup> Там же. С. 78.

<sup>49</sup> Народное сопротивление коммунизму в России... С. 288.

<sup>50</sup> *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 261.

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> Там же. С. 279, 281.

<sup>53</sup> Там же. С. 278.

<sup>54</sup> Народное сопротивление коммунизму в России... С. 61, 86, 89.

<sup>55</sup> См., например: *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 320–322.



<sup>56</sup> Лишь недавно появилась статья, освещающая (но, увы, не раскрывающая причинно-следственную связь) выступления рабочих казенных предприятий Златоустовского горнозаводского округа летом 1918 г.: Вебер М.И. «Златоустовская катастрофа» и ее значение в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 125–141. Крайне фрагментарно изучен и протест рабочих Мотовилихинского оружейного завода в декабре 1918 г.: Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны. (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 137–138.

<sup>57</sup> Скипина И.В. Человек в условиях гражданской войны на Урале. Историография проблемы. Тюмень, 2003. С. 40.

<sup>58</sup> Каревский А.А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом – осенью 1918 г. // Ижевско-Воткинское восстание... С. 11.

<sup>59</sup> Народное сопротивление коммунизму в России... С. 368.

<sup>60</sup> Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест... С. 268; Каревский А.А. Указ. соч. С. 7.

<sup>61</sup> Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Указ. соч. С. 73.

<sup>62</sup> Там же. С. 11.

<sup>63</sup> Там же. С. 72, 85.

<sup>64</sup> Каревский А.А. Указ. соч. С. 10; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Указ. соч. С. 100.

<sup>65</sup> Народное сопротивление коммунизму в России... С. 390.

<sup>66</sup> Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест... С. 304.

<sup>67</sup> См.: Русанов В.И. Энтузиасты первой пятилетки. Ижевск, 1979. С. 20.

<sup>68</sup> Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области, ф. 620, оп. 10, л. 25.

<sup>69</sup> Центр документации общественных организаций Свердловской области, ф. 1494, оп. 1, д. 83, л. 121.

<sup>70</sup> Чураков Д.О. «Третья сила» у власти... С. 35; он же. Революция, государство, рабочий протест... С. 295.

<sup>71</sup> Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест... С. 309–319; он же. Противоборство в руководстве ижевских повстанцев: к вопросу о причинах поражения Прикамской народной армии // Ижевско-Воткинское восстание... С. 13–19.

<sup>72</sup> Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест... С. 309.

<sup>73</sup> См.: Народное сопротивление коммунизму в России...; Ижевско-Воткинское восстание... С. 4.

© 2012 г. В. А. ЧОЛАХЯН \*

## НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ВАРИАНТ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (конец XIX в. – 1930-е гг.)

Оптимальный выбор стратегии экономической модернизации страны в современных условиях возможен при условии глубокого изучения и переосмысления исторического опыта индустриального развития России во второй половине XIX и первой половине XX в., что позволяет не только раскрыть особенности капиталистической и социалистической модернизаций, но и показать преемственность этих процессов. Единый в принципе процесс индустриального развития в исследуемый период характеризовался в то же время в разные годы различным соотношением стихийности и регулирования индустриализации со стороны государства, разной степенью осознанности обществом направления и целей преобразований, а также их социальными последствиями.

---

\* Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.